Научная статья и публикация архивных документов / Research Article and Publication of Archival Documents

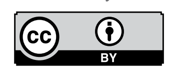
https://elibrary.ru/YJHOMC
УДК 821.161.1.0+82
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ДРАМА ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ: НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА А. ПЛАТОНОВА (1939)

© 2025 г. М.В. Осипенко
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 14 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 ноября 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-258-301

Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Аннотация: В рамках публикации впервые вводится в научный оборот многоактная пьеса А. Платонова, восстановленная на основе материалов двух фондов писателя из московского (ОР ИМЛИ РАН) и петербургского (РО ИРЛИ РАН) архивов. Пьеса не озаглавлена, не датирована, не окончена, содержит обильную незавершенную правку. Во вступительной статье к публикации обосновывается датировка пьесы, указывается на тесную включенность произведения в контекст осени 1939 г., прослеживаются некоторые отразившиеся в произведении реалии 1939 г.
Ключевые слова: Андрей Платонов, пьеса, драматургия, советская литература.
Информация об авторе: Мария Валерьевна Осипенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0002-0294-8546
E-mail: msn08383@gmail.com.
Для цитирования: *Осипенко М.В.* Драма из современной жизни: неизвестная пьеса А. Платонова (1939) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 258–301. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-258-301

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

DRAMA FROM MODERN LIFE: UNKNOWN PLAY BY ANDREI PLATONOV (1939)

© 2025. Maria V. Osipenko
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: October 14, 2024
Approved after reviewing: November 11, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries."

Abstract: For the first time, the publication introduces a multi-act play by A. Platonov, restored from the materials from two collections of the writer from the Moscow (Manuscript Department of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences) and St. Petersburg (Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences) archives into scientific circulation. The play is not titled, not dated, not finished, and contains copious unfinished edits. The introductory article to the publication substantiates the dating of the play, indicates the close inclusion of the work in the context of the autumn of 1939, and traces some of the realities of 1939 reflected in the work.

Keywords: Andrei Platonov, play, dramaturgy, Soviet literature.

Information about the author: Maria V. Osipenko, PhD in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. https://orcid.org/0000-0002-0294-8546

E-mail: msn08383@gmail.com

For citation: Osipenko, M.V. "Drama from Modern Life: Unknown Play by Andrei Platonov (1939)." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 258–301. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-258-301 (In Russ.)

В фонде А. Платонова ОР ИМЛИ сохранился автограф неоконченной многоактной пьесы без названия[1]. Часть страниц этого автографа (с. 34–51) находится в петербургском фонде писателя[2]; ранее эти листы были известны как источник текста одноактной пьесы «Голос отца» [2]. Еще одна страница неоконченной пьесы (с. 33) утеряна — сохранилась ее копия[3]. 21 страница автографа (с нумерацией 33–51) представляет собой второе действие большой пьесы, изъятое Платоновым и переработанное им в одноактную пьесу «Голос отца». Благодаря соединению материалов двух фондов впервые появилась возможность восстановить изначальную редакцию большой пьесы и существенно дополнить историю создания пьесы «Голос отца», до этого лишь предположительно атрибутируемой как «фрагмент более крупного драматического произведения» [2, с. 391].

Предваряя публикацию текста многоактной пьесы (см. Приложение), сделаем несколько наблюдений, касающихся датировки неоконченного произведения.

Судя по отраженным в тексте реалиям, аллюзиям и реминисценциям, писатель работал над пьесой в ноябре–декабре 1939 г.

Основная проблематика пьесы отсылает к осени 1939 г., когда Платонов получил возможность ознакомиться с материалами следственного дела арестованного сына (см.: [3, с. 625; 9, с. 473–483]). В образе Якова, покинувшего мать в поисках отца, оказавшегося — наивным и беспомощным — в окружении провокаторов, старших товарищей, развращающих юношу,

1 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 1–71, с. 1–32, 52–88.

2 ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 15. Л. 1–20.

3 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 14.

отражены реалии этой семейной трагедии, которые восстанавливаются по отчаянным письмам Платонова Прокурору СССР, председателю Верховного Суда СССР октября 1939 г. [9, с. 473–483]. Аллюзия на следственное дело, развернувшаяся в пьесе в размышление писателя о судьбе подростка в современном мире, резким контрастом входила в контекст ведущей в политической повестке 1939 г. темы — темы воспитания молодежи, «советской молодежи — самой счастливой во всем мире» [6]. В декабре 1939 г. было принято решение об отмене приговора сыну, в письмах Платонова зазвучали ноты надежды [9, с. 485–488], но в его произведениях конца 1939 г. — начала 1940 г. страх за детей и их будущее останется постоянным мотивом («Алтеркэ», «Новый Руссо» и др.).

В неоконченной пьесе заметны также множественные переклички с платоновской рецензией на рассказы В. Козина, которую писатель готовил в ноябре 1939 г. для «Литературного критика» [8]. В собирательном образе Юры, друга Якова, в его отношении к родителям и женщинам отразились черты героев рассказов В. Козина Кулагина-Скутова («Разные времена», «В серой гимнастерке», «Кораблекрушение» и др.), вызвавших резкое неприятие у Платонова [5]. Мысли писателя, его наблюдения, сделанные в ходе подготовки рецензии, не только отразились в характерах персонажей (Юры и его круга), но и разнообразно проявились во фразеологии пьесы (упоминания «маленькой головы», пародия на критика, предлагающего писателям расширять «площадку для жизнеутверждающих эмоций», и др.).

На осень 1939 г. указывают и такие детали, как упоминание годовщины выхода из печати «Краткого курса истории ВКП(б)»[4] (1938) — один из героев пьесы рассказывает о тщательном изучении книги: «...ты Краткий Курс учишь! Ну, учи. Я тоже его учу: за год три страницы прочел. <...> ...Ишь ты, почти всю книгу прочел! А я читаю почтительно — три страницы в год, во — как! Я прорабатываю, а ты что! Ты листуешь книгу, ты не понимаешь ее, ты не вникаешь, ты относишься без особого внимания...» (с. 273 наст. изд.). Упоминания о «фашистах», в ходе вычитки пьесы помеченные Платоновым словом «Изм<енить>» и вопросительным знаком (с. 282, 294 наст. изд.), также отражают характерные реалии осени 1939 г.[5]

4 Эта книга сохранилась в библиотеке Платонова [4, с. 986].

5 На основе этого аргумента Э. Найман впервые выдвинул предположение о датировке пьесы «Голос отца» 1939 г. (неточно указав лишь на месяц) [1, 142].

Укажем также на возраст персонажа — отца Якова, которого Платонов наделил автобиографическими чертами (инженер-изобретатель, потеря сына): «40 лет и 3 месяца» — эта надпись на надмогильном камне соответствует возрасту Платонова в конце ноября 1939 г. Этому персонажу Платонов доверил свои самые близкие, постоянные идеи и, кажется, передал свое настроение октября–ноября 1939 г.

Как показывает автограф пьесы, Платонов детально работал с текстом, не раз возвращался, просматривая написанное, вносил исправления, делал пометы для дальнейшей работы. Однако произведение осталось неоконченным, неозаглавленным, с обильной незавершенной правкой. Многие пометы на полях говорят об изменениях замысла писателя по ходу работы, сомнениях, творческих поисках. Среди них особую группу составляют попутные пометы для возвращения и внесения согласований в текст (все приведены в постраничных примечаниях к тексту пьесы, см. ниже). Оставляя их, Платонов, однако, не внес намеченной правки в текст, в результате в пьесе сохранились неснятые противоречия и рассогласования. Например, в первом действии Яков рассказывает Юре о поисках своего отца: герой не знает, жив он или нет (с. 268 наст. изд.); в начале следующего действия Платонов, описывая посещение Яковом могилы отца, делает на полях пометы «Согл<асовать> снять отца в 1-м <акте>» и «Выше — я чуть-чуть лишь помню отца», но не возвращается, диалог об отце Якова в первом действии остался неотредактированным.

Следы незавершенности сохранились в композиционном делении пьесы: после первых двух «действий» писатель изменил принцип членения и ввел «картины», предполагая, видимо, вернуться и внести правку, но не осуществил этого: появились «1-е действие», «2-е действие», «2-е действие 3-я картина» (в публикуемом тексте сохранено авторское обозначение частей).

Вчерне, по ходу написания пьесы, Платонов составлял список действующих лиц. Наскоро, под строкой «Юра, товарищ Якова, лет 19–20» вписано «и его отец» (с. 272 наст. изд.); был добавлен, а потом вычеркнут из списка персонаж «Чортик», упоминаемый в разговоре друзей в первом действии (с. 272 наст. изд.). Видимо, писатель предполагал ввести в историю Якова его учительницу Аполлинарию Николаевну: она указана в списке персонажей, но в тексте отсутствует.

Текст печатается по современным нормам орфографии, с максимальным учетом авторских решений, с сохранением знаков «!?», «!?.», «?!.», устаревших и диалектных форм слов («танцовать», «проэкт», «Чортик»), прописных букв («Краткий Курс»). Необходимые знаки препинания восстановлены по современной норме и даны в угловых скобках. В цитате из стихотворений Н.А. Некрасова и С.Г. Фруга отсутствующие знаки препинания даны (также в угловых скобках) по изданиям: [7; 10]. Неточное цитирование стихотворения А. Пушкина сохранено в авторском написании.

Очевидные описки исправлены без оговорок. Пропуски и сокращенные части слов восстанавливаются в угловых скобках. Неразборчивые слова автографа обозначаются записями типа <1 нрзб> (где цифра — количество слов).

Сокращения имен персонажей («Анна Петр.», «Ив. Евд.» и пр.), восстанавливаемых по тексту пьесы, раскрыты без угловых скобок.

В постраничных сносках приводятся попутные записи Платонова на полях (за исключением «галочек», отчеркиваний, вопросительных знаков). Незавершенная правка (ненайденная замена вычеркнутой фразе; надписанные, но невыбранные варианты слов и др.), в силу ее большого объема и ограничений журнальной публикации, в настоящем издании не приводится. В случае вычеркиваний при не найденной автором замене слова или фразы печатается первый, вычеркнутый вариант.

При печати изменены шрифтовое оформление (курсив, разрядка, кегль, подчеркивание) реплик, ремарок, списка действующих лиц и вся пунктуация, касающаяся жанровых особенностей оформления пьес (в соответствии с принятыми принципами публикации пьес в научном Собрании сочинений А.П. Платонова).

Список литературы

Исследования

1 *Найман Э.* «Из истины не существует выхода» — Андрей Платонов между двух утопий // Russian Studies — Etudes Russes — Russische Forschungen. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. № 1. С. 117–155.

2 Пьеса А.П. Платонова «Голос отца» («Молчание»). История текста — история замысла / публ., вступ. ст. и коммент. А.А. Харитонова // Из творческого насле-

дия русских писателей XX века: М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. СПб.: Наука, 1995. С. 391–425.
3 Семейная трагедия Андрея Платонова (к истории следствия по делу Платона Платонова / статья и публ. Л. Суровой // Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 620–659.
4 *Умрюхина Н.* Библиотека Андрея Платонова в фонде ИМЛИ РАН // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 970–1002.
5 *Умрюхина Н.* «Не угашайте духа!»: Платонов о творчестве В. Козина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 623–642.

Источники

6 Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади // Правда. 1939. 19 июля. С. 1.
7 *Некрасов Н.А.* Полное собрание стихотворений: в 3 т. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1. 806 с.
8 *Платонов А.* Не угашайте духа! (По поводу рассказов В. Козина) // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 6: 1936–1941. Кн. 3: Литературная критика. Публицистика. С. 262–275.
9 *Платонов А.* «…я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. 720 с.
10 *Фруг С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб.: Журн. «Еврейская жизнь», [1904]. Т. 1. 262 с.

References

1 Naiman, E. "'Iz istiny ne sushchestvuet vykhoda' — Andrei Platonov mezhdu dvukh utopii" ["'There Is no Way Out of the Truth' — Andrei Platonov Between Two Utopias"]. *Russian Studies — Etudes Russes — Russische Forschungen. Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury*, no. 1, 1994, pp. 117–155. (In Russ.)
2 "P'esa A.P. Platonova 'Golos ottsa' ('Molchanie'). Istoriia teksta — istoriia zamysla" ["Andrei Platonov's Play 'The Voice of the Father' ('Silence'). The History of the Text and the History of the Idea"], publ., introd. article and comm. by A.A. Kharitonova. *Iz tvorcheskogo nslediia russkikh pisatelei XX veka: M. Sholokhov, A. Platonov, L. Leonov* [*From the Creative Heritage of Russian Writers of the 20th Century: Mikhail Sholokhov, Andrei Platonov, Leonid Leonov*]. St. Peterburg, Nauka Publ., 1995, pp. 391–425. (In Russ.)
3 "Semeinaia tragediia Andreia Platonova (k istorii sledstviia po delu Platona Platonova" ["The Family Tragedy of Andrei Platonov (On the History of the Investigation into the

Platon Platonov Case"], publ. by L. Surovova. *Arkhiv A.P. Platonova* [*Andrei Platonov's Archive*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 620–659. (In Russ.)

4 Umriukhina, N. "Biblioteka Andreia Platonova v fonde IMLI RAN" ["Andrey Platonov's Library at the IWL RAS Fund"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 970–1002. (In Russ.)

5 Umriukhina, N. "'Ne ugashaite dukha!': Platonov o tvorchestve V. Kozina" ["'Don't Quench your Spirit!': Platonov on the Work of V. Kozin"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 623–642. (In Russ.)

Приложение

1. Яков, юноша лет 17–18.

2. Его мать, Анна Петровна, лет 35, моложавая женщина[1].

3. Юра, товарищ Якова, лет 19–20.[2]

4. Иван Евдокимович Бурчевич, знакомый Анны Петровны, мужчина лет 35–40.

5. Дуся, товарищ Якова и Юры, девушка лет 17–18.

6. Старая учительница Аполлинария Николаевна.

7. Дядя Сарай, лет 40–45.

8. Рабочий на кладбище.

9. Официантка в кафе.

1-е действие

Темно на сцене. Звук открываемой двери. Звук выключателя, который повернули рукой. Свет. Комната жителей среднего достатка, но в комнате заметен некоторый беспорядок, точно здесь живут холостые или очень занятые люди. Стол; два-три стула; полки с книгами; пищевой шкаф; старый диван. Задняя часть комнаты задернута почти до потолка занавеской веселой расцветки: комната очевидно разделена этой занавеской.

В комнату вошли Яков и Юра; в их руках книжки.

Яков. Матери нет. Это хорошо. Мы побудем одни.

Юра. Ты не любишь свою мать?

Яков (*в стеснении*). Люблю... Только мне ее жалко. Она меня не любит.

Юра. Почем ты знаешь?

1 *В левом углу листа запись*: ревность в 1 акте (ревнивая мать) Якова к Юре, как к женщине

2 *Ниже строки вписано*: и его отец

Яков. Я ей жить мешаю. Я вырос большой, а она считает себя молодой и хочет быть счастливой. При моем отце она была несчастной. Мне что — пускай она будет счастливой!

Юра. А отчего она была несчастной? Ты ведь помнишь своего отца?

Яков и Юра усаживаются к столу — лицом к зрителю; они разложили свои книги и тетради на столе; Яков достал из шкафа хлеб, немного колбасы и положил еду на стол.

Яков. Отца я помню, теперь уж забываю, какой он был. Помню, он был добрый, всегда молчал и думал чего-то сам с собой.

Юра. А почему же тогда он с твоей матерью разошелся?

Яков. Я не знаю, я был маленький. Мать говорит, что они характером не сошлись.

Юра (*смеется*). Дураки наши родители. Они даже не могут правильно сказать, отчего они женятся и отчего разводятся... (*Иронически.*) Характером не сошлись! А сами не знают, что такое характер. Пошлые существа!

Яков (*опечаленно и серьезно*). Мой отец умный... Он знаменитый инженер, он изобрел котел, где вся вода сгорает среди огня в одно мгновение!

Юра (*улыбаясь*). Вода не сгорает, а обращается в пар. Ты физику неважно знаешь. (*Закуривает; угощает Якова; Яков отказывается.*)

Яков. Все равно... Я не хочу курить... Пусть обращается или сгорает, а ты никогда не будешь, как мой отец!

Юра. Это ты брось... Брось права из меня выкачивать. Наши папаши и мамаши все умели кое-что делать, а жить не умели, — у них не сходились характеры! А мы должны с тобой научиться!

Яков. Чему учиться?

Юра. Жить.

Яков. Мой отец жил хорошо.

Юра. Не доказано. Жил себе скучно старый мужичок, и жена его бросила! Самое важное теперь — это быть самому счастливым. Понял?

Яков. Нет, я не знаю еще, я думаю... А мой отец, я сам читал в журнале, сберегал для народа по целых сто тонн угля на каждой своей машине.

Юра. А премию или награду большую получил?

Яков. Я не знаю, не помню.

Юра. Если бы он получил много, вы бы стали богатыми, ты бы запомнил. Дурак был твой отец!

Яков (*с мгновенной яростью, в то время как Юра остается спокойным*). Ты... ты молчи лучше! А то я тебя расшибу всего!

Юра. Осторожнее. Не надо. Давай обождем.

Яков. А зачем ты отца моего трогаешь? Ты думаешь<,> мне хорошо?.. Мне легче только, когда я вспоминаю, что у меня есть отец и он меня помнит, если он жив.

Юра. А где он теперь?

Яков. Не знаю. Он давно уехал. Я его ищу, спрашиваю, а никто не знает. Не то он умер, не то нет еще<.>

Юра. Нам нужно стараться жить одним, безо всяких отцов и матерей. Чего от них ждать? Что ты получил от них? Ты уже вырос, а много ты видел добра от своих родителей? Отец тебя давно забыл, а мать тебя не любит.

Яков. Да, тебе хорошо говорить, а моя мать несчастный человек. Она родилась давно, росла, когда была война и голод, люди были злые от болезни и смерти, они сами мучились и мать мою замучили. Она мне сама говорила, чему ее учили: прожить поскорее и посчастливей как-нибудь и не думать ничего, а больше ничего.

Юра. Посчастливей надо, а не поскорее... Погоди, она тебе еще покажет, твоя несчастная мать. Знаю я этих несчастных: они самые лучшие гады!

Яков (*он ест булку; листует книгу и углубляется в нее*). Нет, ты не понимаешь, отчего я люблю свою мать... А ты свою любишь?

Юра. Я живу у родителей по договору. Я подписал с отцом и матерью бумагу в двух экземплярах. Они обязаны меня содержать до окончания вуза, одевать полностью, уступать квартиру под мои товарищеские вечеринки два раза в месяц, давать на личные расходы ежемесячно полтораста рублей, ну и прочее, что мне потребуется.

Яков. А ты что обязан делать им?

Юра. Жить, и давать им право любить меня. Я у них единственный сын. Больше у них детей не будет все равно — отец устарел, мать тоже. Для кого им работать, если меня не будет? Ясно же, что без меня им еще хуже станет, чем при мне. Вот я и терплю своих родителей. Видишь: значит — я тоже их люблю. Только сознательно, не так<,> как ты.

Яков (*внимательно наблюдая Юру и удивляясь его спокойному, расчетливому достоинству*). Это здорово! Ты жулик, Юрка!

Юра. А как же ты думал! (*Открывает портсигар, угощает Якова папиросой.*) Прошу!

Яков. Ну давай... Я не знаю еще<,> как думать. (*Задумывается; лицо его имеет беспомощное выражение, в нем много еще детского, беззащитного и робкого чувства.*) Слушай, как тут стихи написаны. (*Читает в книге.*)

Увы<!> утешится жена<,>
И друга лучший друг забудет.
Но в мире есть душа одна <—>
Она до гроба помнить будет...

Это про всех матерей.

Юра. Сейчас. (*Говорит на память.*)

Так наслаждайся же<,> юноша - - - - - - -
В неге любви и похмелья
- -
В бешеном вихре веселья.

Это про нас.

Яков. А зачем наслаждаться?

Юра. А ты пробовал?

Яков. Нет, а как это нужно? (*Читает из другой книги.*) Смотри — Пушкин:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
А равнодушная природа
Красой вечною сиять!

(*Вчитывается.*) Он был добрый человек, Пушкин: сам согласен лежать в гробу, а другие пусть живут и радуются, он не завидует и не обижается. Он прожил свою жизнь — и конец, и все... Или я неправильно все знаю!

Юра. Неправильно все знаешь. Это все ерунда: и младая жизнь, и вход у гроба, и краса природы... Идеализм какой-то! Ты люби реальность!

Яков. Чего?

Входят — Анна Петровна, мать Якова, и Иван Евдокимович. Они возбуждены. В руках у Анны Петровны цветы; у Ивана Евдокимовича сверток с вином и угощением.

Анна Петровна (*целуя сына*). Ну здравствуй. Как ты сегодня прожил свой день, мой милый?

Яков. Здравствуй, мама… Я был в школе, учился, читал. А ты?

Анна Петровна здоровается с Юрой.

Анна Петровна. Как ты растешь, Юра? Какой ты интересный стал! Если бы я была чуть-чуть помоложе, если бы у меня не было Яшки, я бы не выдержала, я бы влюбилась в тебя.

Юра. Пожалуйста. Я готов.

Иван Евдокимович. Анна Петровна… Ну, Анна Петровна, не шокируйтесь вы<,> пожалуйста.

Анна Петровна. Оставьте вы свое руководство, — слышите? Никогда не перебивайте мне настроения!

Иван Евдокимович (*покорно*). Хорошо. Я больше не буду.

Анна Петровна. Я женщина, и меня надо слушаться! (*К сыну.*) Ты сегодня ел что-нибудь?

Яков. Ел.

Анна Петровна. Значит<,> ты сыт, не голоден?

Яков. Я сыт.

Анна Петровна. Ну и отлично. Я сегодня не успела ничего приготовить, мне некогда было, меня по делу вызывали, а завтра, если у меня будет время, я сварю тебе суп на три дня. Хорошо? Ты не обижаешься на меня?

Яков. Ладно, хорошо, я не обижаюсь. Мне не нужно.

Анна Петровна. Вы что, опять здесь весь вечер заниматься будете?

Юра. Сегодня у меня вечер занят. И я еще не обедал.

Анна Петровна. А у тебя, Яша?

Яков (*удивляясь*). У меня? Чем он у меня занят!.. Я буду тут читать и учить уроки.

Анна Петровна. Скучный у меня сын. Наверно он будет знаменитый ученый. Тогда с ним приятно станет водиться!..

Иван Евдокимович (*укоризненно*). Анна Петровна!

Анна Петровна (*Ивану Евдокимовичу*). Вы пошляк. При вас женщина ни одного искреннего слова сказать не может... Идемте на мою половину!.. Растите, Юрочка, больше, — я знаю, вы будете такой счастливый, такой хороший!..

Анна Петровна и Иван Евдокимович уходят за занавеску.

Юра. А у тебя неплохая мать.

Яков (*серьезно и печально*). Я тебе это говорил. Она очень хорошая.

Юра. Эх ты, Яшка, Яшка, — никогда не будет из тебя толка!.. Ну давай<,> я стихи твои почитаю, какие ты обещал: может быть<,> ты хоть в стихах соображаешь.

Яков. А — не стоит! У меня стихи плохие.

Юра. Не ломайся — показывай.

Яков роется в книжном шкафу; достает тетрадку, подает ее Юре. За занавеской к этому времени увеличивается шум: слышится иногда смех и громкий голос Анны Петровны, робкое бормотанье Ивана Евдокимовича и звон посуды.

Юра (*читает по тетради*).

Светит солнце, сердце мое дышит,
Над могилами трава растет,
Там сестра моя лежит —
Она мертва, она меня не слышит;
Но душа ее во мне,
Душа ее живет и плачет,
Вместо мертвых она жить велит!

Да, это ничего, ну это странно... Ну ладно, а дальше что? (*Читает дальше.*) —

И где-нибудь погибну я, безвестный,
Не сделав пользы в мире никому,
А жизнь вокруг останется чудесной —
Она не может сжаться в гробовую тьму.

(*За занавеской раздается звук открываемой пробки из бутылки. Громкий смех Анны Петровны; ее шепот и ее слегка приглушенные слова: «Иван Евдокимович, Иван Евдокимович! Да что с вами? А я и не знала, что вы такой шалун!» Иван Евдокимович невнятно бормочет.*)

Где ты видишь чудесную жизнь? — За этой занавеской?

Яков. Нет...

Юра. Так в чем же дело? Чего ты врешь в своих стихах? Где же чудесная жизнь?

Яков. Где?.. А ты не знаешь? Она есть везде, она во всем мире есть и в нашей стране, и она есть во мне, потому что я ее чувствую!.. А эта занавеска тебя не касается: за нею живет моя мать. И она не виновата, если глупа или несчастна!

Голос Анны Петровны. Кто глупа, кто несчастна?! Да как ты смеешь, мальчишка?

Юра. Это не про вас, Анна Петровна. Мы про учительницу говорим.

Голос Анны Петровны. Извиняюсь, Юрочка!

Юра. А стихи твои ерунда! Кто их будет читать и печатать? Сейчас нужно совсем не то. Я думал, что ты все-таки талантливый человек, но ты не владеешь ни размером, ни рифмой, а настроение, душа и прочее есть у всякого, но не всякий поэт. Верно ведь?

Яков. Это верно, Юра. Я сам только чувствую что-то, а сказать или сделать правильно — сам не знаю как.

Юра. Ну вот видишь... Брось это дело, не томись на нем. Приходи сегодня ко мне. У меня будет кое-кто. Не все интересные, но так — наш узкий президиум, маломощный состав, и Чортик придет.

Яков. А кто эти Чортик и маломощный состав.

Юра. Люди, конечно. Моя компания. Мальчики, девочки, пожилые и всякие индивидуальности. Приходи — увидишь.

Яков. Не знаю... Нет, я не приду.

Юра. Стихи опять будешь писать?

Яков. Может, буду стихи писать.

(*Веселый крик Анны Петровны за занавеской.*)

Яков. Мама!

Голос Анны Петровны. Ну что тебе?.. Ужасно неудобно, когда мать и сын — оба молодые! (*Бормотанье Ивана Евдокимовича.*)

Юра. У тебя хорошие условия для поэтического творчества — занятий поэзией — вроде окопов империалистической войны... Ты все-таки приходи, Яша, если соскучишься около своей мамы<.>

Яков. Едва ли я приду. Я лучше дома побуду. Я привык.

Юра. Твоя божья воля. Ну — адью и резервуар!

Юра прощается с Яковом и уходит.

За занавеской усиливается шум и смех.

Яков садится у стола за книгу и углубляется в нее, приложив руки ладонями к ушам, чтобы не слышать постороннего шума.

Занавеска раздвигается на небольшую часть — видна задняя часть комнаты: стол, убранный пищей, вином и цветами, край кровати с подушками, этажерка с ненужными вещами. Из-за занавески показывается возбужденный, веселый Иван Евдокимович.

Иван Евдокимович. Яша! Сын мой нареченный! Я любить тебя буду лучше родного отца... Иди сюда к нам в гости! Анна Петровна, налей сыну наливку, пусть привыкает!

Яков. Я не хочу, Иван Евдокимович.

Иван Евдокимович. Не хочешь, а чего ж ты хочешь? Ты должен всего хотеть! Тебе любить пора, а ты сидишь<,> читаешь... Чего ты читаешь? (*Заглядывает в книгу Якова.*) Ага, понятно — ты Краткий Курс учишь! Ну, учи. Я тоже его учу: за год три страницы прочел. Видишь<,> как мало! А ты спешишь — ишь ты, почти всю книгу прочел! А я читаю почтительно — три страницы в год, во — как! Я прорабатываю, а ты что! Ты листуешь книгу, ты не понимаешь ее, ты не вникаешь, ты относишься без особого внимания, — а значит<,> ты оскорбляешь меня как советского человека! Понял теперь? Я вот в школу заявление на тебя подам, что ты можешь быть нашим врагом...

Анна Петровна (*она находится по ту сторону занавески, но временами ее видно, потому что занавеска теперь несколько раздвинута*). Ну Иван Евдокимович, Иван Евдокимович!.. Евдокимыч! Ванька! Не касайся моего бедного Яши!

Яков. Я и сейчас ваш враг!

Иван Евдокимович. Чей это — ваш? Чей это — наш? Ты говори мне с точностью: ты контр или нет? За кого ты против и за кого за!? Мальчишка! Безотцовщина!

Яков (*вставая и сдержанно волнуясь*). Я не безотцовщина и не мальчишка, я давно вырос... А что отца у меня нету, я не виноват. Я сам живу. И есть у меня отец, которого я редко вижу, но все равно — я его люблю. И вы тоже знаете его. И пока он есть, вы, вы не погубите, вы не замучаете меня, потому что он — Сталин! Уйдите от меня, а то я ему все скажу...

Анна Петровна (*выходя из-за занавески*). Иван Евдокимович! Ванька! Иди сюда сейчас же! Не связывайся с мальчишками!

Иван Евдокимович. Не буду, Аня! Я ничего не буду! Ведь я человек так себе, пусть я даже сукин сын! Но почему у них воспитания нет? Почему раньше была религия, было уважение, было какое-то предпочтение... Почему теперь ничего нет?

Яков. А у вас есть уважение и предпочтение к своим детям?

Иван Евдокимович. Что? Да как ты смеешь? Ты кто здесь такой?

Яков. Я ничего не смею. Я только спрашиваю. Вы отвечайте<,> и пусть моя мать ответит.

Анна Петровна (*озлобляясь*). Что? Кто? Как ты смеешь кричать на меня?

Яков. Я не кричу. Я говорю тихо. Мама, что ему нужно? Я вам никогда не мешал, я не приходил к вам за эту занавеску.

Анна Петровна. За какую занавеску?.. Что за гадость, что за пошлость? Неужели меня и дети мои оскорбляют? До чего я дожила?

Иван Евдокимович. Не надо, не надо. Ничего не надо. Лучше я потихоньку уйду, а вы останетесь, вы договоритесь, вы ведь мать с одной стороны и сын с другой<.>

Яков. Уходите. Вам давно пора, раз вы ругаете меня врагом.

Иван Евдокимович. Ты в будущем будешь враг, а сейчас ты враг еще не окончательный.

Яков. Я твой враг. Уходи отсюда.

Иван Евдокимович. Хорошо. Я сейчас уйду. Даже пожалуйста. Связь моя с вами порвана. Я за вас не отвечаю, я ни при чем.

Анна Петровна. Сейчас же перестаньте! Я что вам сказала?!. Ванька, марш назад за занавеску, открой там коробку с пюре из томатов!..

Иван Евдокимович (*покорно*). Хорошо. Я перестал. Пойду открою коробку. (*Он уходит за занавеску*.)

Анна Петровна (*к Якову*). А ты мне не сын больше! Слышишь ты или нет?.. Ты мне всю жизнь испортил, вся моя молодость проходит ни за что, лучше б ты умер в детстве от поноса, лучше б я тебя маленьким заспала... Не твое дело, кто <ко> мне в гости ходит и будет ходить, — ты не суйся. Ты живешь<,> и мне надо жить!

Яков. Живи. Я сейчас уйду.

Анна Петровна. Уходи куда хочешь. Хоть совсем не приходи.

Яков. Я больше не приду.

Анна Петровна. И не надо. Других нарожаем. Правда ведь, Иван Евдокимович?

Иван Евдокимович (*из-за занавески*). Правда... То бишь, нет: лучше не надо, Анна Петровна. Не надо рожать никого. А то вырастут и станут арестантами!

Анна Петровна (*весело*). Ну не надо. Ну как хочешь. (*И она уходит за занавеску и задергивает ее наглухо за собою*.)

Яков собирает свои книги и тетради. Снимает со стены небольшой портрет Анны Петровны и кладет его в книгу. Легкий стук в дверь. Яков оборачивается. Входит Дуся.

Дуся. Яша, у меня ничего не выходит. (*Показывает ему тетрадь, принесенную с собой. Слышит смех и голос Анны Петровны из-за занавески*.) Здравствуйте, Анна Петровна!

Голос Анны Петровны. Здравствуй, Дусенька!

Голос Ивана Евдокимовича (*бодро и восторженно*). Здравствуй, Дусенька!

Дуся (*неуверенно*). Здравствуйте...

Голос Анны Петровны (*приглушенно, но энергично*). А ты чего? Ты чего с ней здороваешься? Ишь ты распустился как?

Голос Ивана Евдокимовича (*покорно*). Это я забылся. Я больше не буду!

Яков (*Дусе*). Что у тебя не выходит?

Дуся. Вот эта, Яша, задача такая. (*Показывает в тетради.*) Помнишь ее?

Яков. Знаю. (*Рассматривает решение.*) У тебя все правильно сделано.

Дуся. А она не решается. (*Видит портрет Анны Петровны — в рамке и под стеклом, — заложенным Яковом в книгу; изымает его оттуда; вытирает ладонью стекло.*) Зачем ты с собой таскаешь? Разобьешь ведь! Я у мамы взяла маленькую фотографию… Где он висел? (*Видит квадрат — след портрета на обоях. Идет и вешает портрет на прежнее место. Яков молча следит за Дусей и снова опускает глаза в тетрадь. Дуся возвращается, склоняется над тетрадью рядом с Яковом, и теперь близко друг к другу находятся их юные внимательные лица.*)

Яков. Эту задачу решить нельзя. Перед величиной ку ничего не стоит, то есть стоит плюс, а нужен минус. Тогда задача решается просто. Тут ошибка в условии или опечатка.

Дуся (*удивленно*). А как же ты решил ее? Как ты догадался?

Яков. Мне понравилось, что задача никак не решается, и я стал думать над ней, и решил. Смотри… (*Яков пишет в тетради решение.*)

В это время в занавеске раздвигается щель; оттуда смотрит Иван Евдокимович, внимательно изучая Дусю.

Иван Евдокимович (*внятным шепотом*). Ого! Девица большая, девица славная!.. И задумчивая такая — наверно отличница учебы и спортивной подготовки! Наверно, что так! И она нежнее Анны Петровны и моложе ее, — лучше я познакомлюсь с этой Дусей, а Анну Петровну забуду. Разлюблю — и забуду. А Дусю начну обожать. (*Более громко.*) Дуся! Дусенька!

Дуся (*замечая Ивана Евдокимовича*). Что?

Иван Евдокимович. Хотите — этого — виноградного соку!

Дуся безмолвно — движением головы — отказывается.

Голос Анны Петровны. Назад! Куда ты там загляделся, чего там бормочешь?

Голова Ивана Евдокимовича проваливается обратно за занавеску.

Яков (*кончая писать решение*). Вот что получилось. Видишь как.

Дуся. Теперь вижу. Только не понимаю ничего.

Яков (*вставая*). После поймешь... Я сейчас навсегда ухожу. Навсегда ухожу отсюда.

Дуся. А куда?

Яков. Сам не знаю.

Дуся. А можно я с тобой?

Яков. Нет, тебе ходить не надо. А куда со мной?

Дуся. А я тоже не знаю... Яша, что с тобой?

Яков. Ничего. Трудно мне стало жить. Прощай, — может, увидимся<,> может<,> нет.

Яков берет книги, тетради и медленно уходит.

Дуся остается одна, растерянная и непонимающая; ее лицо печально и скучно.

За занавеской увеличивается шум голосов и смех Анны Петровны.

Из-за занавески выходят Иван Евдокимович и Анна Петровна.

Анна Петровна. Ты здесь одна, Дусенька?

Дуся. Я одна.

Анна Петровна. А Яша где?

Дуся. Он взял все книги и ушел навсегда. Сам не знает куда. Ему стало трудно жить, он сказал мне... Я пойду сейчас искать его.

Дуся, не прощаясь, уходит из комнаты.

Краткая пауза.

Анна Петровна (*Ивану Евдокимовичу*). Ступай и ты отсюда. Вон уходи сейчас же!

Иван Евдокимович. Дай я папиросы захвачу с собой — и спички. (*Уходит за занавеску, сейчас же возвращается обратно с коробкой папирос.*) Ну, я пошел. До свиданья, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ступай скорее, — не раздражай моего терпенья, тебе говорят!

Иван Евдокимович. Уже пошел, уже пошел... Нет больше у вас, Анна Петровна, хорошего друга, прекрасно настроенного советско-

го человека Ивана Евдокимовича Бурчевича, то есть меня! (*Исчезает в дверь.*)

Анна Петровна (*одна*). Какая я странная одинокая женщина!.. У меня наверно сейчас горе написано на лице. (*Подходит к зеркалу, осматривает свое лицо и фигуру.*) Нет, ничего не заметно почему-то.

Стук в окно. Анна Петровна обращается к окну.

Анна Петровна. Кто там?

Голос Ивана Евдокимовича. Это опять я, Анна Петровна... Анна Петровна, я не виноват, что у вас семья разложилась. Это вы сами — вы запомните — вы сами прогнали своего сына, а я его хотел усыновить. Если что случится и будет общественное дело, вы меня на суд не вызывайте, я свидетелем не буду. А то я все про вас расскажу — какая вы такая!

Анна Петровна. Отойди от окна, негодяй!

Голос Ивана Евдокимовича (*кротко*). Отошел.

Краткая пауза.

Анна Петровна. У меня один был сын, и я его прогнала... А когда я рожала его, я думала, что он будет лучше всех людей, что я никогда не расстанусь с ним и он мне поможет стать счастливой...

Она отходит к занавеске и прислоняется к ней лицом.

Занавес.

2-е действие

Кладбище. Железная низкая решетка. За решеткой вертикально поставленный тесаный камень, с надписью: «Александр Спиридонович Виригин. Инженер. Продолжатель дела Уатта и Дизеля. Скончался в 1924 году, жития его было 40 лет и 3 месяца. Мир праху твоему, великий труженик для облегчения участи людей».

У могилы — старое дерево. На могиле несколько жалких жестяных цветов. На втором плане видны такие же надмогильные камни и деревья.

Вечернее время. Кладбище пусто.

Появляется Яков. Он входит за решетку, на могилу отца. Яков держит в руках книги и тетради, которые он взял, покидая дом <1 нрзб>.

(В дальнейшем идет диалог между сыном, Яковом, и отцом, говорящим через сердце Якова, — голосом, однако, того же сына; т. е. Яков говорит, спрашивает и отвечает сам себе; но в голосе сына и отца есть все же разница, хотя эти два голоса и принадлежат одному реальному человеку — Якову, и «голос отца» по существу голос того же Якова. Играть на сцене «голос отца» другому актеру не следует, потому что это будет грубой художественной ошибкой, которая придаст сцене мистический оттенок, тогда как эта сцена должна быть совершенно реалистической.)

Яков. Отец, зачем ты умер?.. Зачем ты лежишь здесь один в могиле?.. Все равно я люблю тебя![3]

Краткая пауза.

Голос отца. Меня здесь нет, дорогой мой. Могила под тобой пуста.

Яков. А где же ты? — Я к тебе пришел...[4]

Голос отца. В могиле никого нет — в ней земля, и что в нее входит, тоже становится землей. Но земля обращается в цветы и в деревья — и уходит через них на свет из темноты могил.

Яков. Но где же ты теперь, отец?

Голос отца. Я в твоем сердце и в твоем воспоминании, — больше меня нигде нет. И ты — моя жизнь и надежда, а без тебя я ничтожней того праха, который лежит под этим могильным камнем, без тебя я мертв навсегда и не помню, что был живым.

Яков. Папа, а как ты будешь жить, если я тоже умру когда-нибудь<,> как ты?

Голос отца. Тогда я исчезну вместе с тобою. Без тебя я существовать не могу.

3 *На полях помета*: Согл<асовать> снять отца в 1-м <акте>

4 *На полях помета*: Выше — я чуть-чуть лишь помню отца

Яков. Но я часто забываю тебя, отец, и мое сердце бывает пустым, — где ты тогда живешь?

Голос отца. Я живу тогда в твоем забвении и ожидаю твоего воспоминания обо мне.

Краткая пауза.

Яков. Папа. А зачем тебе еще жить, когда ты уже умер? Раз ты умер, больше тебе ничего не надо… Значит<,> ты опять хочешь жить?

Голос отца. Нет, жизнь моя окончена. Больше я жить не могу и не буду, — я умер. Но я хочу остаться в тебе памятью и слабым теплом, чтобы ты думал иногда обо мне <и> утешался, когда тебе бывает трудно.

Яков. А зачем тебе так жить, — тебе разве нужно?

Голос отца. Мне ничего не надо… Но я хочу сберечь тебя от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели, — от всех бедствий жизни, которые с тобой могут случиться. Поэтому я живу тебе на помощь.

Яков. Ты живешь не сам для себя, ты из-за меня?..

Голос отца. Я ради тебя томлюсь, чтобы ты не изменил мне.

Яков. Папа, как же я могу изменить тебе? Ты уже умер, а я жив.

Голос отца. Это верно, но ты можешь мне изменить, и твоя измена будет самой страшной для меня, потому что я мертв и беспомощен, я уже не могу бороться, я лишь слабый свет в тебе.

Яков. Я чувствую тебя, я знаю этот далекий смутный свет, когда думаю и тоскую о тебе… Но я не могу тебе изменить.

Голос отца. Нет: можешь.

Яков. Почему, отец?

Голос отца. Посмотри вокруг себя. Здесь одни могилы. И в них люди. Все они, — и тот, кто умер уже старым<,> и кто молодым, — все они умерли, не узнав истинной жизни. Все они, мертвые, что лежат в этой земле под тобою, умерли не потому, что тело их утомилось от счастья, а ум от истины и сердце от славы жизни. Не потому. Нет, мы не знали ни счастья, ни истины, ни простого удовлетворения от своей работы и от своих страданий. Но мы тоже хотели создать великий мир благородного человечества, и мы чувствовали себя достойными его. Мы спешили работать, мы воевали, мучились и болели, мы устали и умерли…

Яков. Я все знаю это, папа...

Голос отца. Мы верили в прекрасную душу человека. Мы жили на свете как больные, как в бреду. Мы собирались друг с другом и согревались один от другого. Жили мы или нет? Я уже не помню. Все прошло слишком быстро, как в детском сновидении, я помню лишь свою му́ку, однако и ее теперь забыл и простил... Но мы сделали кое-что в жизни: мало, но сделали. Мы верили в лучшего человека, — не в самих себя, но в будущего человека, ради которого можно вынести любое мученье. И мы передаем вам, своим детям, эту надежду, больше нам некому ее передать. А вы не должны изменить нам. А если и вы нам измените, тогда сровняйте наши могилы.

Яков (*улыбаясь*). Папа. Ты умер давно. Ты не знаешь, что теперь на свете. Твоя работа по наилучшему сжиганию топлива в паровых котлах сберегла миллионы тонн мазута, и мама получает пенсию. Если бы ты был живым, ты был бы счастливым...

Голос отца. Не знаю, был бы я счастливым... Твоя мать говорила наверно тебе, как это было трудно сделать — мало сжигать топлива и получать много пара... Нет, сделать это было легко, даже весело. Я хочу сказать, что не природа враг человека, — разгадать ее, использовать ее свойства на добро для человека нетрудно. Но как было мне мучительно доказывать людям, где их выгода, как трудно облегчить участь людей! Я в тюрьме сидел за это.

Яков. Кто же враг человеку?

Голос отца. Другой человек.

Яков. А кто друг?

Голос отца. Тоже человек. Вот в чем тягость и печаль жизни. Если бы против людей стояла одна природа, тогда бы осталась одна простая и легкая задача.

Яков. Мама мне говорила, как тебе было тяжело работать... Я это знаю.

Голос отца. Я был идеалистом. Я думал, что людям будет лучше, если на одну лошадиную силу в час потребуется всего полтораста граммов мазута.

Яков. Людям стало лучше, ты думал правильно.

Голос отца. Не знаю, как у вас теперь. Но я знаю, что я думал неправильно, я ошибался. В руках зверя и негодяя самая высокая техника будет лишь оружием против человека.

Яков (*в волнении*). Ты прав, отец! Так делают теперь фашисты, но мы их раздавим, потому что самая лучшая техника — это высший человек, а высший человек живет у нас, в Советском Союзе.

Голос отца. Откуда ты это узнал?.. Высший прекрасный человек — вот в чем тайна, которую мы не могли открыть, и поэтому мы умерли в тоске.

Яков. Я научился этому у Сталина.

Голос отца. В чем его учение?

Яков. Я еще сам не научился всему его учению. Но я знаю, что Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов, он велит никогда не изменять тому, что было в отцах высшим и человеческим, он хочет сделать героическую душу человека законом всей земли. Он сам ученик Маркса и Ленина.

Краткое молчание.

Голос отца. Мой отец родил меня и велел быть только добрым и терпеливым. А я хотел, чтобы ты стал знающим и смелым. Но ты должен теперь стать мудрым и счастливым. Ты должен быть моим идеалом! Но кто поможет тебе быть таким человеком, и будет ли это так? — Ведь я, твой отец, мертв и бессилен...

Яков (*встает на ноги*). Так будет, отец! Если даже мне придется бороться со всем миром, — если люди устанут, озверeют, одичают и в злобе вопьются друг в друга, если они позабудут свой смысл в жизни, — я один встану против них всех, я один буду защищать тебя, Сталина и самого себя!

Голос отца. Ты погибнешь тогда, мой мальчик.

Яков. Но ведь ты тоже погиб!.. Что тут страшного — умереть? Посмотри — сколько лежит вас, мертвых, здесь! Вы ведь все вытерпели смерть.

Голос отца. Умереть не страшно. Ты не бойся смерти: это не больно.

Яков. Я знаю.

Голос отца. Ты не знаешь, ты еще не умирал.

Яков. А я все равно знаю, потому что не боюсь смерти.

Голос отца. Ты прав, мой сын. Я люблю тебя сейчас еще больше... Уходи с моей могилы и живи, я буду теперь навсегда мертвым и спокойным. Ты не изменишь мне никогда, и в этом будет моя вечная жизнь.

Яков. Спи, отец, вечно в земле. Прощай.

Яков склоняется к могиле и целует землю.

В это время на соседней могиле появляется человек — Рабочий разборного треста; он слегка подкапывает надмогильный камень лопатой, сворачивает камень и кладет его на землю; затем он раскачивает железную решетку — ограду. Яков молча наблюдает за Рабочим. Рабочий оставляет решетку соседней могилы, перелезает на могилу отца Якова и начинает подкапывать лопатой надмогильный камень — памятник.

Брось лопату! Что ты делаешь? Здесь мой отец лежит!

Рабочий. Тут покойник. Я его не достану, он мне ни к чему.

Яков. Зачем вы это делаете?

Рабочий. Так велели. Камень и железо в утиль, дерева́ на корчевку, могилы сровнять в ничто, а сверху потом парк устроят — карусели, фруктовая вода, на баянах заиграют, девки придут и лодыри с ними — на отдых, и ты приходи тогда, — чего на могиле торчишь? — а сейчас ступай отсюда прочь, дай нам управиться!

Яков (*в недоумении*). А зачем на кладбище парк культуры устраивать? Кругом же пустая степь, там свежая земля!.. Там и надо парк делать.

Рабочий (*трудясь с лопатой*). Стало быть, что вот как раз так надобно, что именно тут. Там в степи неинтересно, там взять нечего, а тут — и железо, и камень, и дерев , и венки из жести, — всякий инвентарь.

Яков. Ну и что ж такое что железо! А оно ведь ржавое все, а камни ничего не стоят, а деревья — на дрова только, они старые и кривые...

Рабочий. А все-таки нашему царству-государству и тут доход... Чего тут железу и каменьям зря находиться! Покойники в земле давно сопрели, родня их — какая выросла, какая сама скончалась, — и уж считай, что про мертвых забыла...

Яков. А я не забыл вот!..

Рабочий. Ну ладно — не забыл! Памятливый какой — дай кладбище уберем, и ты все позабудешь: ме́ста тогда, где сейчас стоишь, не найдешь, —

тут ферверок будет иль квас по кружке отпускать — от жажды… А родня покойников, которая жива еще, сама придет плясать сюда, — кому тут плакать, кого помнить!.. Понял теперь?

Яков (*удивленно*). Нет!

Рабочий. Потом поймешь, когда привыкнешь — не враз!.. (*Ворочает надмогильный камень, слабо сдвигая его с места.*) Ишь ты, дьявол, неподатливый какой!.. Смешно и забавно тут будет! Мороженое, компот в чашках, двор смеха в загородке, — я в Туле бывал и все видел, — и тут же силомер и труба — на звезды глядеть: где, что и как там, отчего все произошло и куда потом денется; оказывается, мы все из тумана явились — так выходит по науке, — да пускай из тумана, нам одинаково!.. А дальше (*Рабочий оставил на время работу и жестикулирует, полный воображения будущего*), дальше — вон видишь где — буфет откроют: харчи, напитки, вафли, изюм, простокваша, блины, — что хочешь. Тут целый парад красоты будет, тут прелесть что такое начнется! А ты что стоишь? Говори — хорошо ведь получится?

Яков (*заслушавшись — в изумлении*). Хорошо.

Рабочий (*принимаясь за работу*). А камень этот в фундамент пойдет, железо в переплавку, — глядь<,> и фабрика новая стоит. Ну конечно, если сырья не хватит, то она работать не будет. Неважно — мы подождем и потерпим… (*Валяет на землю надмогильный камень.*) А я здесь силомером буду заведовать, либо конфеты в бумажки заворачивать — легкая чистая работа! Туда-сюда, и день прошел, и не уморился, и деньги заработал, и сыт по горло: везде же знакомство: и на кухне, и в буфете — где пирожок возьмешь, где жамку, где щей похлебаешь… Так и жизнь проживешь — незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием! (*Поет и приплясывает.*) Ту-ру-ру-ру, ту-ру-ру!.. (*Останавливается.*) Чего же еще надо? — Ничего. Достаточно.

Яков (*ожесточившись*). Пошел прочь отсюда!

Рабочий. Чего?

Яков. Ничего. Достаточно. Прочь отсюда — с могилы моего отца!

Яков выхватывает лопату из рук Рабочего и бросает ее в сторону.

Рабочий. Не трожь мой инвентарь. Ответишь.

Он вынимает из бокового наружного кармана свисток — и свистит в него, вращаясь во все стороны.

Тогда Яков берет этого человека поперек — и кидает его вон через железную ограду вместе со свистком, не перестающим свистеть. Исчезнув со сцены, человек со свистком свистит еще некоторое время, потом умолкает.

Яков один. Он подымает свои книги с земли и берет их под мышку.

Занавес.

2-е действие[5]

3-я картина

Кафе. Пустой столик с цветами. Шаблонные яркие рисунки на стене. На той же стене — в углу — телефон-автомат. Играет музыка (оркестр невидим). Иногда, изредка, у столика показывается пара танцующих людей — и вновь исчезает в танце.

Появляется Юра — он одет теперь в черный костюм зрелого человека, он выглядит старше и движется несколько небрежно. Он садится за столик. Подходит Официантка.

Официантка. Чем вас угостить?

Юра. Коктейль у вас найдется?

Официантка. Есть, пожалуйста.

Юра. Принесите мне коктейль и этого… крем-брюле.

Официантка. Больше ничего не позволите? Есть пломбиры, торты, вина десертные, душистые…

Юра. Потом, потом… Я заказал лишь предварительно. Дайте мне отдохнуть. У вас тут душно.

Официантка. Я вам льду с водой принесу. Позволите?

Юра. Да. Освежите меня… Целый день дьявольской работы!

Официантка. У вас тяжелая профессия?

Юра. Да, мне нелегко… Я кинорежиссер!

5 *На полях помета*: Согл<асовать> кафе с 1 карт<иной>

Официантка. Орденоносец?!

Юра. В кафе я орден не ношу. Неудобно, вы сами понимаете.

Официантка (*склоняется, рассматривая пиджак Юры*). А почему у вас на пиджаке нет следа от ордена? У меня есть знакомый орденоносец — у него на левой стороне всегда остается чистый кружочек: видно, что там бывает орден, а у вас там ничего не заметно! Почему это так?

Юра. Не ваше дело. У вашего знакомого один пиджак, а у меня их несколько. Обслужите меня!

Официантка. Извините. Я заинтересовалась. (*Уходит.*)

Юра (*иронически*). Заинтересовалась она! Она заинтересовалась! (*Глядит вослед ушедшей Официантке.*) Какой шаблон в этих выражениях и во всей ее фигуре! Еще подозревает, что у меня ордена нет! Ну потом будет — какая разница!

Появляется Дядя Сарай; он сразу, не здороваясь с Юрой, садится за стол, где сидит Юра.

Сарай (*отдуваясь*). Все заказал?

Юра. Почти.

Сарай. Пусть скорее дают, а то у меня изжога.

Юра. Сейчас подадут... Ты чем занимался сегодня?

Сарай. Спал с утра — чем же еще?

Юра. Вчера ничего не наделал?

Сарай. В гостях где-то был. Кажется<,> хозяев избил, или меня кто-то тронул, — не помню.

Официантка приносит заказ Юры.

Юра. Принесите еще коньяку — сто граммов.

Сарай. Двести.

Официантка. Хорошо. А больше ничего не хотите — лимон, крюшон, груши дюшес, сливы.

Сарай. Не надо. Чего деньги тратить на пустяки!

Официантка. Как вам угодно... Я боюсь, что вам дурно станет — пить коньяк и ничего не кушать. (*Уходит.*)

Юра. Чего она вмешивается?

Сарай. Ей рожать хочется. (*Выпивает коньяк.*) В училище ходишь или бросил?

Юра. Хожу иногда.

Сарай. По настроению?

Юра. От скуки. Или когда денег нету. Тогда пойдешь поучишься, посидишь...

Сарай. А чему там учат?

Юра. Да так<,> знаешь<,> — кое-чему: как надо, как не надо... Выучишься, а потом забудешь. А ты сейчас работаешь где-нибудь или перестал?

Сарай. Да мне некогда работать! А к чему?

Юра (*смеясь*). А на пользу народа — не хочешь?

Сарай. Чудак: что ж я один на всех сделаю? Ерунду только! А весь народ много на мою пользу может сделать, если он постарается. (*Выпивает коктейль Юры.*) Да это все мелочь — и работа, и ученье, и вся жизнь...

Юра. Конечно<,> мелочь!

Сарай. Скоро помирать.

Юра. Отчего?

Сарай. Война будет, голод, скука, смерть, — зачем стараться жить? Давай выпьем.

Юра. Давай, Сарай! (*В сторону.*) Коньяку<,> пожалуйста<,> — раз сто, раз двести!

Голос Официантки. Хорошо. Раз сто, раз двести.

Сарай. Сколько у тебя?

Юра. Рубля четыре есть.

Сарай. Ступай тогда в спорки. Спорки поди продай какие-нибудь!

Юра. А сейчас уже все закрыто.

Сарай. А чего ж тогда нам делать? Ведь жить-то я не могу просто так, — зря! Что ж я сидеть и думать, что ль, буду, или в кино моргать пойду? Зачем же я родился?

Юра. Сейчас сообразим. (*Уходит к телефону-автомату, набирает номер, звонит.*) Папа... Папа, принеси мне сто рублей. Что?.. А ты продай что-нибудь! Тогда принеси... А где мама — ты пошли ее... А ты займи!.. Да нет, ну у кого-нибудь, ну — у соседей! Ну, делай же как-нибудь, я же сижу в кафе! Ты пойми!.. Ну что хочешь, ну ты думай сам, — я же ведь твой сын! Ты

считайся!.. Ну, папа, пора же тебе думать самому!.. Да, я там же, — ты знаешь где. Ну приходи! Пока! (*Юра вешает трубку, возвращается к столу.*)

Сарай. Ну как там твои родители?

Юра. Да кое-какие средства обещают доставить.

Сарай. Чего же они разбаловались у тебя, сукины дети — твои родители! Раз они тебя родили, то пусть всем обеспечивают! Я удивляюсь твоему терпению.

Юра. Я их подтяну!

Сарай. Что они, на самотек<,> что ли<,> рассчитывают? Раз родились — так пусть живут?

Юра. Не выйдет, дядя Сарай!

Сарай. Нет, не выйдет... Пока я жив — не выйдет у них игра... Пусть они отвечают за все...

Приходит Официантка; приносит заказ — коньяк: в одной стопке двести граммов, в другой — сто.

Официантка. Опять без закуски?

Сарай. А вы кто?

Официантка. Я?.. А я — женщина!

Сарай. Неужели?.. Душка, останьтесь здесь.

Официантка. Не могу. Я на работе.

Сарай. А когда же?..

Официантка. Что — когда же? Я вас не понимаю.

Приходит Яков — с тетрадями и книжками и чертежом отца под мышкой, такой же, каким он был на кладбище, на могиле отца.

Яков. Здравствуйте!..

Официантка (*к Якову*). Вам сто или двести?

Яков (*удивленно*). Нам? — А сколько нам нужно?..

Сарай. Тысячу грамм.

Яков (*Официантке*). Тысячу грамм.

Официантка. Как вам не стыдно — пить без закуски? Вы же рано умрете или состаритесь...

Сарай. Хорошо бы всем людям рано умереть и состариться.

Официантка. Почему же хорошо? Не надо — что вы!

Сарай. А зачем им долго жить, всяким дуракам и негодяям? Пускай подохнут!

Официантка. Обождите хоть немного, мы вас просим, — дайте нам других, новых людей нарожать!

Сарай. Каких людей, каких новых вы будете рожать? От кого — от нас? (*Хохочет.*) Так мы же и есть сволочь!

Официантка (*в испуге*). Кто?

Сарай (*в сторону Юры и Якова*). Да вот они<,> и я<,> и те (*жест в сторону невидимых людей*), — сплошь подлецы!

Официантка (*пораженная*). Нет, вы врете... Я не знаю. (*Плачет, стараясь сдержать себя.*)

Сарай. Юра, сходи в буфет, принеси холодной воды и капель каких-нибудь успокоительных — там аптечка висит на стене, — обслужи барышню по-культурному...

Яков кладет свои вещи на край столика; он не понимает происходящего, он озадачен и печален. Юра, наоборот, многозначительно улыбается — ему нравится забавная история с Официанткой.

Юра (*Официантке*). Давайте мне ваш передник, я буду работать... Садитесь, пожалуйста, за стол. Есть крем-брюле, торты, вина душистые, коктейли, салаты, печенки, котлеты пожарские!.. Чем вас угостить?

Официантка (*кротко*). Не смейтесь надо мною. Не надо. Я больна.

Яков. Я сейчас схожу к заведующему — пусть вас отпустят домой. Вам ведь плохо. Я вас провожу.

Сарай. Юрка! Тащи воду и аптеку!

Яков и Юра уходят.

Сарай. Садитесь на стул. Давайте выпьем по капле.

Официантка (*она все время на ногах; сейчас склоняется к Сараю*). Мне нельзя садиться к гостям... Вы меня извините, — вы ведь хороший человек...

Сарай. Я хороший? — Я гад, сами потом узнаете... Успокойтесь; что с вами? Я вот не пла́чу.

Официантка. Я была замужем, а теперь, теперь я развелась с мужем...

Сарай. Вот потеха-то!

Официантка (*в слезах*). Да, а я любила ведь его!

Сарай. А вы полюбите меня — и полегчает.

Официантка. Я больна, я плохая стала...

Сарай. Требуйте себе путевку в своем соответствующем профсоюзе, полежите на солнце на берегу ручья, поешьте овощей — и выздоровеете.

Официантка. Меня не пустят туда... Меня муж заразил плохой, стыдной болезнью. Я заразная!

Сарай. Ничего, мы не брезгуем. Вытрите слезы. Вся жизнь есть зараза, чего вы плачете?

Официантка (*справляясь с собой*). Я вам закуску за свой счет принесу. Кушайте!

Сарай. Тащите.

Приходят Юра и Яков. В руках у Юры бутылка нарзана и стакан.

Яков (*Официантке*). Они говорят — у вас скоро смена придет. Не отпускают вас никак, не велят идти домой, а я просил.

Официантка. Правда: я скоро сменяюсь; но я все равно благодарю вас, что вы добрый.

Юра (*наливая нарзан в стакан*). Попейте этой жидкости. Прошу.

Официантка (*улыбаясь*). Нет, не нужно теперь. Я успокоилась уже.

Юра. Попудритесь!

Официантка. Ну, зачем? Я не хочу никому нравиться. (*Уходит.*)

Юра и Яков садятся за стол.

Сарай. Ну что дальше?... Опять что-то скучно стало! Чего бы сотворить нам, чего еще не было?

Яков. А чего?

Сарай. Да хотя нечего, все же уже было... Напиться только опять, чтоб обалдеть и не помнить ничего[6].

6 *На полях помета*: Выше: Яков немного знает Сарая

Яков. А зачем? Тут хорошо: цветы, музыка играет, я никогда здесь не был еще.

Сарай. Побудь, погляди, — ты, значит, девчонка пока что...

Яков. Нет. Вы сами ничего не понимаете, а про все говорите.

Юра. Брось, Яшка.

Яков. А чего он задается?

Сарай. Что шумишь-то, мальчишка! У меня бог был в душе, и его убили, и я живу теперь как без памяти, как сорванная былинка. Но я человеком был! А вы кто такие, бездушная шпана?.. Откуда у вас может что появиться?

Юра. Вот, видали его!.. Тише ты, Сарай. Довольно хулиганить!

Сарай. Кто хулиганит? Это вы хулиганы. Я в ваши годы по кабакам не ходил...

Яков. Юра, а сейчас он прав. Пойдем к тебе, мне больше некуда.

Появляется Официантка с подносом; на подносе коньяк, яичница, салат, еще кое-что.

Официантка. Пожалуйста — кушайте! (*Уставляет стол.*)

Яков. Плохой у вас был бог, товарищ дядя Сарай.

Сарай (*уверенно*). Нет — ничего.

Яков. Мертвым был ваш бог, и он довел вас до смерти — вы сами сказали.

Сарай. Мертвый бог тоже бог. А у вас ничего нет — у вас один псих. А у нас был дух!

Яков. У нас тоже есть дух.

Сарай. Какой? Где он?

Яков (*с убеждением и достоинством*). Вы сами про него сказали — диамат, истина!

Юра. Бросьте вы трепаться, ребята... Жизнь есть жизнь, оптимизм и удовольствие!

Сарай (*к Якову*). А где ваш дух, молодой человек, и где ваша истина?

Яков (*вставая*). Во мне.

Сарай. А почему во мне ничего нет?

Яков. Истина сама никому не навязывается.

Официантка (*заслушавшись*). Говорите еще — мне интересно.

Яков. Садитесь с нами.

Официантка. Как сменюсь. Без меня не говорите, а то я не услышу. (*Уходит.*)

Сарай (*вслед Официантке*). Вот зараза мировая!..

Бодро появляется отец Юры — Семен Семенович.

Юра. Это вот — так<,> один человек — мой отец. Кстати!

Семен Семенович. Добрый вечер! Здравствуйте! У вас здесь хорошо, уютно, — разрешите присесть. (*Садится.*)

Юра. Папа, ну тебе же с нами скучно будет.

Семен Семенович. Отчего скучно?.. Нет, неправда. Как себя чувствуешь, Юрочка? Когда ты думаешь домой вернуться?

Юра. Когда нужно, тогда и вернусь.

Семен Семенович. Юра, не пей<,> пожалуйста<,> вина!

Юра. Да ты же знаешь, что я не пью. Это дядя Сарай здесь пьет. Что ты мне настроенье портишь?

Семен Семенович. Ну ладно, ладно. Только ты не пей много, ты помаленьку. Налейте и мне чуть-чуть, а то яичница остынет.

Сарай. Ка́пни старику.

Юра. Сколько принес?

Семен Семенович. Восемьдесят, больше нету.

Юра. Врешь, отец. Двадцатку себе отначил.

Семен Семенович. Ну, Юра...

Юра. Давай все сто. Нечего тебе деньги зря тратить. Вынимай!

Семен Семенович (*вынимая деньги*). Ну, Юрочка, возьми девяносто и подари мне хоть десятку.

Юра (*берет деньги и считает*). Ты прямо весь разложился, отец. Зачем тебе десятка?

Семен Семенович. Ну так, знаешь, — туда-сюда...

Юра (*сосчитав деньги*). Правильно: сто. Нет, и так мало, а вечер велик. Ты возьми себя в руки, отец: ты человек пожилой...

Семен Семенович (*растерянно*). Ну а как же...

Сарай. Хлебни, отец, и спать пора. (*Наливает в стопку*.)

Семен Семенович (*быстро выпивая*). Спасибо... Закусить можно? (*Берет вилку*.)

Юра. Ты дома поужинаешь.

Семен Семенович (*кладет пустую вилку обратно*). Ну не надо. Я могу так. До свиданья! Юрочка, приходи скорее, а то мама волнуется. (*Делает общий поклон, быстро уходит*.)

Краткая пауза.

Яков молча наливает себе, выпивает и мучительно закашливается от непривычки пить.

Сарай. Ступай в уборную — харчи травить, дух диамата!.. Юрка, давай средства, я буду кассиром, — я на чай не даю!

Юра. Давай пополам — тебе пятьдесят и мне пятьдесят.

Сарай. Ну вот еще. Отцу десятку пожалел, а я тебе пятьдесят дам. Это шутка!

Сарай наливает себе и Юре.

Сарай. Питайся!

Оба выпивают, угощаются. Яков глядит на них слегка опустевшими, обезумевшими глазами.

Сарай (*вынимает свой бумажник, разверзает его, протягивает Юре*). Храните свои деньги в сберкассе.

Юра кладет в бумажник Сарая деньги.

Появляется Официантка; она сейчас без своей белой прозодежды, в скромном и хорошем платье.

Официантка. Ну, я освободилась. А дальше что вы говорили?.. Платить ничего не нужно, я заплатила из своих, я знала, что у вас мало денег.

Сарай. Пропали наши деньги. Это нехорошо. Вы должны отдать свои деньги нам, а я бы уже сам сэкономил — ничего не заплатил. Пропали наши деньги.

Яков подходит к Официантке. Яков сейчас весел, возбужден, слабо понимает обстановку.

Яков. Вы будете танцовать?

Официантка. С вами? — Конечно<,> буду. (*Поднимается, подает Якову обе руки.*)

Яков обнимает Официантку и уходит с нею в танце.

Сарай. Что он носит тут с собой? (*Разворачивает трубку с чертежами отца Якова.*) Проблемы, что ль, какие? (*Читает.*) Ах, да, ну конечно: мазута будет идти на силу в час не двести граммов, а сто, то есть, — пустяки! И от этого всему человечеству сразу жить легче станет... Ну конечно, понятно, — люди всегда думали, как бы за них машина работала, а они бы только сидели и пьянствовали! Но это же плохо: я по себе вижу. Не надо! (*Свирепо рвет все бумаги отца Якова и швыряет их прочь в корзину под чужим соседним столом, где сейчас никого нет. Тетради и книжки Якова остаются на столе.*) Не надо нам блага, не надо нам мазута!..

Юра. Почему не надо? Пусть будет.

Сарай. Не надо! Много мазута, много сильных людей, — значит, война будет! Жизнь некуда девать станет! Не надо!..

Юра. Ну, Сарай, это ты брось! Ты фашист, сволочь! Зачем ты порвал Яшкины бумаги — его отец всю жизнь над ними работал, Яшка говорил... Аэропланы будут летать на мазуте![7]

Сарай. Всю жизнь, говоришь, его отец работал? Это хорошо: пусть теперь вся его жизнь пройдет бесследно, впустую, как я прожил!..

Юра. Неважно это все, Сарай! Ты ничего не понимаешь. (*Выпивают оба.*)

7 *На полях помета*: Согл<асовать> с 1 акт<ом> Фразу повторить

Танцующие Яков и Официантка показываются на сцене и вновь исчезают в сторону.

Сарай. А кто сейчас что понимает-то?

Юра. Я. Я понимаю все.

Появляются — Иван Евдокимович и Дуся. Дуся вначале робко озирается.

Дуся. Вон Яша. Зачем он танцует? (*Глядит в сторону Якова.*) А она неинтересная: личико какое-то такое.

Иван Евдокимович. Я же вам говорил, что мы найдем его. Ну, какую водичку мы пить будем с вами? (*Они помещаются за пустым столом — возле Юры и Сарая.*)

Дуся. Красную.

Иван Евдокимович. А конфет не хотите?

Дуся. Хочу — только с начинкой. Вот Юра сидит. Здравствуй, Юра!

Юра. Алло. Привет.

Дуся. Юрка, ты зачем Яшку портишь? Ты видишь — он танцует! Ты видишь — он от матери ушел!.. Ты зачем его водишь туда-сюда, куда попало? Ему уроки надо учить, а не шляться. Через тебя он меня перестал слушаться!.. Я тебе покажу![8]

Сарай (*к Юре*). Это ктой-то?

Юра (*равнодушно*). Одна особа.

Сарай. Она по мне.

Дуся (*громко*). Яша, пойдем отсюда домой.

Иван Евдокимович. А угощенье не хотите? А то я закажу!

Дуся. Уйдите от меня. Я сама угощусь. (*Наливает воду из графина в стакан и выпивает воду.*) Угостилась уже!

Яков и Официантка появляются на авансцене. Яков держит Официантку за руку. Они не обращают на других внимания.

Яков (*негромко*). Я только теперь узнал настоящее счастье.

8 *На полях помета*: Согл<асовать> с I актом: Дуся: «Оставайся дома, я тебе говорю!» Но Як<ов> отказывается<.> Миритесь, я все организую

Официантка (*нежно улыбаясь*). Почему, Яша, — только теперь?

Яков. Потому что мне с вами хорошо.

Официантка. А будет еще лучше!

Яков. А когда?

Официантка (*напряженно*). Когда?.. Нескоро. — Когда вы захотите.

Дуся подходит к ним; разлучает их решительным жестом.

Дуся. Яша, нам пора. (*К Официантке.*) До свиданья!

Яков. А что?

Дуся. Ничего. Уроки надо учить. Ты мне поможешь.

Официантка. А вы разве ученики? Вы не артисты и не режиссеры?

Дуся. Все мальчишки всегда врут. Они такие окаянные!

Официантка. Он не врал... А что вам нужно? И мне все равно — пусть он ученик. Ему со мной ведь хорошо!

Дуся. Он от матери ушел!

Официантка (*радостно*). И пусть ушел! Теперь я ему буду как мать, или нет — ну как сестра.

Дуся. Нет, я. Я первая захотела. Ты не будешь!

Официантка. Нет<,> буду. Я ведь уже пожилая старуха. Я замужем была.

Дуся. Вы старуха пожилая?.. Ну тогда можно. А лучше нет, лучше не надо...

Яков. Зачем вы ссоритесь? Будьте подругами, теперь всем на свете станет жить хорошо!

Дуся. Всем хорошо, а тебе одному нет. Тебя мать выгнала из дому.

Яков. Пусть выгнала. Я уже скучаю сейчас по ней и позову ее снова жить со мной.

Дуся. А где ты сам-то будешь жить?

Яков. Где-нибудь... во всем мире.

Официантка (*Якову*). Вы еще глупый мальчик, вы совсем грудной! (*Направляется к Юре, слегка обнимает его вокруг шеи.*) Я с ним теперь буду дружить и водиться.

Юра. Водитесь, перетерпим. Что ж, такова наша жизнь. Дайте мне спичку!

Официантка. Вы грубиян... Сейчас подам. (*Отходит и вскоре приносит Юре горящую спичку.*)

Яков собирает свои книжки и тетрадки со стола.

Яков. А где бумаги моего отца? Они тут лежали!..

Иван Евдокимович. Дусенька! Евдокия Матвеевна! Мне тут скучно одному. Идите ко мне беседовать!

Дуся. Ступайте вон домой — сейчас же! Не выспитесь — и завтра на службу опоздаете, а потом вас уволят. А когда уволят, то и квартиру потеряете. А квартиру потеряете, то будете по улице ходить, простудитесь и умрете!..

Иван Евдокимович. А верно ведь, Евдокия Матвеевна! Верно, верно, — что и говорить! Я сейчас пошел, я ухожу... А в щечку можно вас поцеловать?

Дуся. Попробуйте, что ль!

Иван Евдокимович подбегает к Дусе, готовый поцеловать ее.

Дуся хватает Ивана Евдокимовича за ухо и с большой силой треплет его, пригибая человека книзу, как маленького мальчишку.

Дуся. Не шали, не шали, не шатайся с молоденькими девушками, не приставай к ним, слушайся их, уважай нас, воспитывайся, учись, — есть школы для взрослых, — не разлагайся на старости лет, прыгай с парашютом, — катись вон отсюда, из учреждения!

Иван Евдокимович (*встряхивая головой*). А это разве тоже учреждение?

Дуся. А как же? На вывеске что написано? — Нарпитликеровощсоякабульсоюз!..

Иван Евдокимович. Верно, верно! Все верно... И чего я хожу-гуляю! Я спать хочу, я на трамваях истерся весь... (*Исчезает.*)

Дуся (*вослед Ивану Евдокимовичу*). Я научу вас, как надо быть умным, а также дисциплинированным и тактичным!

Яков ощупывает свои книги и оглядывает глазами помещение; он в недоумении и в ужасе от пропажи наследства своего отца.

Яков. Кто же взял проэкт моего отца? Ну вы скажите мне! Это вы нарочно?

Сарай. Наверно<,> какой-нибудь прохожий шпион.

Яков. Ты взял?

Юра. А кому они нужны — старые бумаги твоего отца? Чепуха какая-то там написана, а ты носишься с ними<,> как будто там польза всего мира написана. А там пошлость или безграмотность — я уверен!

Яков (*углубленно*). Там польза всего мира написана — на один гектар пахоты нужно будет тратить один литр мазута.

Юра (*небрежно лаская Официантку*). Твой отец такой же идеалист и бездарность, как и ты!.. Читай ответ из редакции на твои стихи. (*Вынимает из кармана, подает Якову письмо. Затем — к Официантке.*) Потанцуем перед ужином — аппетита нет! (*Встает, берет Официантку за руки, уходит с нею в танце.*)

Яков, взяв бумагу из рук Юры, молча смотрит в нее.

Дуся (*забирает у Якова письмо, читает его вслух*). «Ваши стихи для печати не подходят. Они не отображают реальности нашей действительности, заключающейся в беспредельном расширении площадки для жизнеутверждающих эмоций. Общее впечатление от ваших стихов безнадежное. Читайте больше классиков и современных ведущих активных поэтов. Редактор Гуман-Загуменных»[9] — Фу, нахал какой!.. Площадка для жизнеутверждающих эмоций, — что это такое?.. (*Садится на корточки, надувает щеки.*) Вот что! Есть, пить, хохотать, целоваться, плевать в урну и обтираться холодной водой!.. (*Встает, говорит серьезно.*) Они думают, что мы все еще малолетние подростки и ничего не понимаем! Они нас учат, чего сами не знают, они видят молоко на наших губах и не видят сладкой повидлы на своих... Не огорчайся, Яша!

9 *На полях помета*: Согл<асовать> с 1 акт<ом> стихи — <передать> реплику Юры

Яков. Я не огорчаюсь. (*К Сараю.*) Отдайте чертежи отца — вы видели их!

Сарай. Сначала видел, потом не видел.

Яков. Врете... Ведь значит<,> мой отец работал и жил напрасно? Он умер и погиб?

Сарай. Напрасно. Он погиб.

Яков. Нет! (*Набрасывается на Сарая.*)

Сарай отбрасывает Якова от себя.

Сарай. Харчей еще мало ел.

Дуся (*удерживая Якова*). Не надо, Яша. Может быть, это не он. Пойдем отсюда, ты измучился.

Яков. Пойдем. Я не измучился, это ничего... Но трудно бороться с вами.

Дуся. С кем — с нами?

Яков. С моей матерью, с разными товарищами, с тобой...

Дуся. И со мной?! — Уходи тогда один без меня. Я с тобой больше не имею никаких общих интересов. Вам понятно?

Сарай. Сказано четко. Вам понятно, молодой человек?

Яков. Понятно.

Сарай. До свиданья — и приходите в гости, когда позовем.

Яков уходит.

Дуся (*Сараю*). А вы кто такой будете?

Сарай. Этого я еще не решил. Может, я вашим супругом буду, а может — не захочу.

Дуся. Хам вы большой, а голова у вас маленькая.

Сарай. В самый раз. Весь устроен по вас.

Дуся (*почти про себя*). Скучно с вами и говорить, и жить... Яша прав, что ему трудно. Мне тоже здесь нехорошо.

Дуся уходит.

Сарай (*один; в глубоком, но спокойном озлоблении*). Я тебя уничтожу, обезьянка нового мира!

Появляется Юра.

Юра (*Сараю*). Сарай, дай ключи от твоей комнаты?
Сарай. С ней пойдешь?
Юра. Ясно. Скоро ведь старость — боюсь время упустить.

Сарай дает ключи Юре.

Сарай. Крой, крой. Спешите жить!

Показывается Официантка, одетая в пальто.

Официантка. Я уже иду.
Юра. Алло. Одну секунду. Всего, Сарай.

Юра и Официантка уходят.
Сарай выпивает стопку; на лице его удовольствие, но не от коньяка.

Сарай. Все хорошо, прекрасная маркиза!.. Я их думал всех перезаразить от этой официантки, а они сами стараются — без меня. Ну что ж, я отдохну пока. Устал. (*Стучит ножом по тарелке.*)
Голос извне. Да? Что вы хотите?
Сарай. Бутылку полусухого... (*Про себя.*) Скорее шевелись, — чего ты там ухмыляешься, дефективная дура? Не видишь<,> кто здесь сидит<,> — я буду главой и начальником всего человеческого рода, а также всех животных и растений!.. Я им тогда покажу!.. (*Молчание.*) Нет, я их тогда наказывать и убивать не буду — чорт с ними: я их даже полюблю...

Возвращается Яков. Он не обращает внимания на Сарая.

Яков. Я здесь потерял. Больше негде.
Сарай. Чего ты ищешь? Садись со мной.

Яков. Я ищу, что потерял... Там было все, что осталось от моего мертвого отца.

Сарай. Садись, потом мы все найдем.

Яков устало садится на стул.

Сарай. Зачем тебе чертежи отца?

Яков. А в них все было... Как нужно дешево пахать, чтоб хватило хлеба на весь мир, на целое человечество! Мой отец все сосчитал.

Сарай. А человечеству хлеб не нужен. Оно скоро умрет.

Яков. Отчего умрет?

<1939>